

КОГНИТИВНАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

В настоящем разделе представлен когнитивный анализ диалектных единиц в аспекте их миромоделирующего потенциала.

Статья Д.Н. Галимовой продолжает начатое ею в прошлом выпуске исследование диалектных метафорических единиц, выражающих идею неконтролируемости событий.

Д.Н. Галимова

Неконтролируемость жизни как одна из ключевых характеристик диалектной картины мира

Такие экзистенциальные категории, как *время*, *социально-исторические явления*, *смерть*, *болезнь*, наиболее регулярно получают метафорическую интерпретацию в речи диалектоносителя. Представления об этих сущностях относятся к «зонам актуального внимания». Метафоры, которые отражают экзистенциальные понятия, чаще не содержат эмоциональных оценок; они свидетельствуют о том, что в русских языковых структурах выражается пассивный взгляд человека на мир: диалектоноситель склонен интерпретировать свою позицию как объектную по отношению к другим субъектным позициям. Данную особенность, свойственную русской языковой картине мира в целом [см. 1, 2], можно определить как *неконтролируемость* – «ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, ... как контролера событий» [3, с. 33-34]. Модели, выделяемые на основании анализа метафорической системы говоров Амурской области, свидетельствуют о том, что невозможность определять свою судьбу, контролировать происходящие в жизни события является одной из основных особенностей мировосприятия диалектоносителей. Во многих метафорах диалектного дискурса отражается пассивность как одно из состояний человека живущего, например, в метафорической интерпретации жизненных событий, жизненных этапов как активных субъектов, а человека как пассивного субъекта.

В настоящей статье мы рассмотрим эту особенность на примере метафор, отражающих понятия «время», «смерть», «болезнь» и некоторые другие.

Часть отмеченных в диалектном дискурсе метафор **времени** свидетельствуют о пассивной позиции, которую занимает человек по отношению к временным отрезкам и времени вообще. Поскольку движущееся время воспринимается как необратимое и человек не может повлиять на скорость смены суточных и годовых циклов, то время чаще всего сопоставимо

с проходящим мимо человека активным субъектом, без остановки движущимся в одном направлении. Время-субъект находится на оси временного пространства, точка отсчета на которой является местом расположения человека. Наступление какого-либо периода интерпретируется как приближение времени к этой точке отсчета (и к человеку), последовательная смена периодов осмысляется как перемещение, в ходе которого время-субъект минует человека. По отношению к смене одного временного промежутка другим используются метафоры движения активного субъекта (*подойти, подходить, пойти, пробежать*): *Тридцать третий год подошёл – и все умерли; Колхозы начались – лучше стало. ...Может, это уже тридцатые года пошли; Полмесяца, вот ещё неделька и полмесяца. Уже и этом, месяц. Так пробежит летьчко.*

Время, как и жизнь, интерпретируется как множество активных субъектов (разные периоды, сроки, времена года, дни и т.п.), которые приходят на территорию бытования человека, его жизненное пространство, или проходят мимо него.

Как активный субъект, время *позволяет* или не позволяет человеку совершать какие-либо действия: *Возьми, девочка, там табуретку и присядь. Если у вас время позволяет.*

Так же неподконтрольно человеку течение реки, поэтому совершенно естественно для природного человека, каким можно назвать диалектоносителя, сопоставление времени и реки: *Вот так дела были. Всё прошло. Время бежит, течёт, как вода течёт, правда? (В)от я была молодая, теперь вон какая старая.*

Представление о времени как об активном субъекте, перемещающемся *независимо* от человека, свидетельствует о восприятии времени как сущности неподвластной человеку, неконтролируемой. Таким образом, отмеченные в диалектном дискурсе метафорические модели времени свидетельствуют о пассивной позиции, которую занимает человек по отношению к временным отрезкам и времени вообще.

В потоке времени человек склонен выделять некоторые ненормированные отрезки, на протяжении которых происходят конкретные события социального характера, и интерпретировать их также метафорически. Для наших информантов такими знаковыми событиями, повлиявшими на ход их жизни, являются Великая отечественная война и изменения в постсоветскую эпоху.

Война интерпретируется как агрессивно настроенный по отношению к человеку субъект, который оказывает на него деструктивное воздействие. Такая интерпретация объяснима ситуацией, связанной с данным понятием: в ходе войны некто нападает, проявляет агрессию – эта агрессивность действий распространяется на войну-субъект; т.е. война в представлении говорящих – это агрессивный субъект, негативно воздействующий на человека: *война напала.*

Великая Отечественная война так или иначе коснулась всех информантов. У одних она пришлась на пору детства, другие во время войны уже начинали самостоятельную жизнь;

и тех, кто жил на Украине, в Белоруссии или в западных регионах Советского Союза, и тех, кто всю жизнь провел на Дальнем Востоке, война *захватила*. Этот образ является основным в воспоминаниях информантов. Ситуация, обозначенная глаголом приобретения *захватить*, включает в себя физическое действие в отношении объекта, в результате которого он оказывается в чьем-либо владении, не волен распоряжаться собой, подчинен кому-либо; в метафорическом контексте человек оказывается «пойманным» войной: *Да многих из нас война-то захватила. Досталось*. В метафоре содержится информация о том, что война как субъект негативного воздействия, захватывая объект, ограничивает его возможности. Данная метафора присутствует, пожалуй, в сознании всех информантов, переживших войну и характеризующих ее, поскольку метафорически диалектоносители часто говорят о последствиях войны как о результатах *ограничения*.

Большинство наших информантов – женщины, которые переживали войну в тылу или в оккупации, поэтому описываются ими не сами военные действия, а их последствия или сопровождающие их ситуации. Военная ситуация меняет привычный ход жизни, заставляя человека приспосабливаться к новым условиям, поэтому говорящий оценивает происходящее как негативные действия в отношении себя, например, сама война как активный субъект мешает человеку жить: *Брат в Ленинграде служил. Война помешала пожить ему*.

Война по отношению к человеческой жизни выступает как субъект, воздействующий на нее деструктивно, искажающий: *Война многие жизни перековеркала*. Война как субъект ограничивающий исключает многие обыденные ситуации; поскольку отношение к ней у информантов именно как к воздействующей злой – живой – силе, ее действия подобны действиям человека: *У меня пять классов. Во время войны... война не дала доучиться*.

Физическое или психологическое воздействие, которое оказывает человек на кого-либо, принуждая к определенным действиям или поступкам, может оказывать на человека война: *Нас война заставила траву есть, лебеду есть; Тогда (в войну) люди подбирали друу друуа, такие все были ласковые, все отзывчивые были, а щас не люди, а звери! Мне кажется так. Они не уважают друу друуа, всяко обзывают, сами себе. Не-е, тогда не было. Или война заставила быть добрыми людьми, не знаю*. Проявление войны интерпретируется как воздействие на волевую сферу человека.

Если война интерпретируется через деструктивные действия, которые являются проявлением агрессии, направленной на человека, то по отношению к общественным изменениям в постсоветскую эпоху объектом деструкции выступает не человек, а социальное устройство, материальные неодушевленные объекты и вся жизнь.

Люди, прожившие основную часть своей жизни в одном общественно-политическом строе и под конец жизни попавшие в совершенно иные социально-исторические условия, метафорически оценивают сложившуюся в стране и, в первую очередь, в деревне ситуацию как

переворот или *распад*, *развал*, причем говорящий зачастую не конкретизирует, чего именно касаются эти изменения, потому что в его представлении переменялось всё.

Изменение социального устройства интерпретируется как изменение физического положения объекта: *перевернуться*. То, что раньше осознавалось как норма, поменялось на прямо противоположное – «не-норму»: *Ну вот чё, перевернулось всё. За тысяч лет; Перевернули всё на свете, и совсем жизнь другая стала, теперь ничё не сделаешь*.

Происходящие изменения жители села связывают в первую очередь с исчезновением колхоза (совхоза) как организующего начала в деревенской общине советского времени. Понимание современного состояния деревни очень точно передает глагол *распадаться*, актуализирующий в переносном значении признак «разделенный на части», «не цельный». Целостность воспринимается как обязательное качество объекта, а особенно такой сложной территориальной и социальной общности, как деревня, село. Но если *разбили*, *развалили* колхоз, то начала *разваливаться*, *распадаться* и вся деревня: *Они тут пожили, пожили. А чё они тут будут жить. Она распадается вся, деревня. У них дочка кончила 10 классов, и они уехали*. Нарушение социального порядка воспринимается как разделение целого на части.

Все использующиеся в метафорах глаголы деструктивного воздействия на объект и глаголы разрушения/разделения (*разбить*, *развалить*, *разломать*, *разрушить*, *разбурить*) передают отрицательную оценку говорящего, поскольку используются для обозначения нарушения целостности объекта, воспринимаемой как норма (для метафорического переосмысления значимым выступает общий для ИЗ глаголов признак «нарушение целостности»). Все описываемое неподконтрольно говорящим и происходит помимо их воли.

Жизнь в сознании говорящего связана не только с движением, но и со звуковым сопровождением его (речью людей, звуками, издаваемыми всем существующим в мире). Поэтому подавление звучания, сведение его к нулю сопоставимо с «подавлением» жизни, прекращением ее: *Совхоза нет, это личное уже сеют. Заулушили жизнь в селе, я так могу сказать*.

В целом современное состояние деревни самими сельскими жителями оценивается как состояние, близкое к гибели: *Той деревни нету, и Иннокентьевка, считай, всё, уибнет деревня, она уже поубаит. Вот на днях было сто сорок пять лет ей, а она уже развалилась, деревня, тут никого не остаётся, одни старики. Развалили всю деревню, короче, как раскулачили вроде бы*. Ухудшение социальной обстановки интерпретируется диалектоносителями как физическая гибель.

Метафоры, отражающие интерпретацию социально-исторических явлений не содержат эмоциональной оценки, они выражают рациональное оценивание происходящего как отступающего от нормы.

В силу возраста наших информантов одной из самых актуальных тем является тема болезни, что, наряду с абстрактным характером данного понятия, объясняет значительное количество в диалектном дискурсе метафорических выражений, связанных с этой темой.

Наиболее частотный образ *болезни* – образ агрессивного субъекта – отражает представления диалектоносителя о болезни как о неконтролируемом состоянии, последствия которого в большинстве случаев разрушительны для организма человека. Это можно объяснить тем, что болезнь «проявляет себя» по отношению к человеку негативно, заставляя его испытывать боль, что сопоставимо с чьим-либо разрушительным физическим воздействием извне.

О появлении, распространении и исчезновении болезни чаще всего сообщается посредством метафоризации глаголов перемещения относительно объекта (которым выступает человек): *болезни ходили, болезнь пришла, грипп нашёл (на кого-л.), шишки наскაკивают, грыжа ушла* и т.п. Называемые глаголами *идти, ходить, приходиться, уйти* исходные ситуации содержат общий для них компонент значения «изменять местоположение», выступающий основанием для метафоризации. На этом же основании болезнь, переданная контактным путем, может характеризоваться как переходчивая: *Появились (бородавки) на руках, бывает частенько. Они же **переходчивые**, если у кого-то есть, чё-чего пообщался или там рука за руку.*

Если проявления болезни на коже отсутствуют, диалектоноситель метафорически говорит о болезненном состоянии чаще как о перемещении болезни внутри человека (*Да чё-то я никак не поправлюсь. Болезнь где-то внутри **ходит**. Всё кашляю*), а о выздоровлении – как о выходе болезни из человека (*До сих пор я ноги парила и ноги вылечила. Кончается, уговорю, болезнь, **выходит***).

Появление болезненных симптомов у человека передается через глагол *садиться* (ИЗ – ‘Принимать сидячее положение, занимать место, предназначенное для сидения’). Образ *садящейся* болезни мотивируется образом садящегося субъекта, который при этом располагается на некоей поверхности и прекращает движение, замирая в точке пространства: *Здесь вишь таёжное место, здесь <...> больше болезней человеку делается на ноги. **Садятся**. Здесь место сырое.* Как субъект, действующий независимо от воли человека, болезнь может *приставать* к кому-либо: *У нас корь была в доме, а до меня ничё не **приставало**.*

Во время болезни человек страдает от боли, которая может проявлять себя по-разному – как уколы, как резь, жжение, давящее чувство, следовательно, болезнь *давит, бьет, крутит*, а так как это, в общем-то, сходно с действиями, которые может проявлять по отношению к другому агрессивно настроенный субъект, то проявление болезни метафорически обозначается чаще всего глаголами, называющими в прямом значении физическое отрицательное воздействие на объект: *сыпь напала, грыжа схватила, припадки стали бить, родимец бьет, склероз разбил, болезнь замучила, тиф валил, давление жмет, водянка мучить* и т.п.

Лишая человека физической активности, резко ограничивая его возможности, болезнь *приковывает* его (*Когда молодой был, он тоже выпивал, и я выпивала. Эт счас вот уже, болезнь, она **приковывает**, всё*). Проявления болезни метафорически передают глаголы воздействия на объект *выдёргивать* (*Моя внучка... болеет здорово <...> А то тоже у меня побудет, поправится, ноги не так **выдёргивает**. А то как приедет, недели две – о-о!), *трясти, бросать* (*Одна (женщина) идёт, стахановка такая, а ей малярия **трясла**. Вот тогда малярия-то, чё-то съешь, да, она **бросает***), *бить* (*У нас сестру младшую, самую последнюю, стали припадки **бить**, она спугалась шибко*). Приведенные глаголы в прямом значении обозначают действия, чаще всего деструктивного характера, совершаемые над каким-то предметом и предполагающие применение физической силы. Человек как объект воздействия оказывается беспомощен против болезни.*

Болезнь, способная повлечь смертельный исход, физически уничтожающая человека, оказывает деструктивное воздействие на него, результатом чего является уничтожение человека: *Мать умерла и всё. <...> Рак её **съел**, рак. Всё*. Деструктивное воздействие на объект, обозначенное глаголом *косить*, создает образ болезни, осуществляющей массовое уничтожение людей: *Тиф, так болели, детки, тиф так **косил** етих*. Уничтожая человека, болезнь *уносит* его с собой, извлекая из жизни-пространства: *А сибирская язва сколько? Три семьи **унесла**. Это в пиисят третьем году была сибирская язва здесь*. Все перечисленные образы болезни сближают ее образ с архетипическим метафорическим образом смерти-старухи с косой.

Народные представления о *смерти* в традиционной картине мира вербально слабо выражены, что может быть объяснено табуированностью темы. Названия ситуаций и действий, связанных со смертью «составляют преимущественно эвфемистические обозначения и идиомы, базирующиеся на неспецифической лексике, которые, однако, мотивированы всей системой представлений о жизни и смерти и соотнесены с обрядовой практикой» [4, с. 229]. Метафорические единицы, относящиеся к данному понятию, в значительной мере определяются представлениями славян о смерти как о переходе в «иной мир».

Представления диалектоносителей о смерти связаны с мифологическим образом антропоморфного существа (субъектный образ) или с пространством, куда уходит умерший (пространственный образ). Это дает основание выделить соответствующие образы *смерти* в диалектном дискурсе.

Образ смерти, в котором она персонифицирована, представлена как независимый субъект, возможно, связан с проецированием на ситуацию смерти общей модели поведения человека. Как человек, она может *прийти* (*Мама дояркой была. Всё время дояркой, до самой старости. А смерть **пришла**, дак она заснула да и не проснулася*), её, как другого человека, можно *ждать* (*Вот уже смерти **жду**, вот уже огород обдeldывать не могу*). При этом смерть сама решает, когда должна появиться (***Жду-жду** этой смерти, она никак **не идёт***).

Тяжело уже мене), и не дает человеку возможности выбора (- Баба Уля, вы смотрите, чтоб икона ни к каким алкашам, ни к кому не попала. Вы-то помоложе будете. - Да и-и помоложе, смерть не спрашивает).

Пространственный образ смерти представлен в высказываниях диалектоносителей, скорее, косвенно: когда сообщается об умерших, о них говорят как о тех, кто *ушёл*, т.е. перешел в другое пространство (*А папку вообще родного не знаю. А неродный был – вслед за мамой через два года ушёл*). Умирая, человек уходит из жизни-пространства в смерть-пространство, при этом соблюдая «очередность» ухода (*Мы все пожилы, уже нету никóу. Мноуо ушло из жизни. Наша очередь подходит*). Место, куда уходят умершие, обычно не называют, обозначая его указательными местоимениями: *А я уже старая, я мноуо прожила, и мне уже туда надо собираться, уже ничёу*.

Представления о жизни в целом и ее отдельных событиях, времени, смерти формируются через конкретные образы, вписанные в реальное пространство, источником которых является реально наблюдаемый и ощущаемый мир.

О неконтролируемости происходящего в жизни человека можно говорить и на основании метафор, интерпретирующих психические свойства и состояния человека. То, что касается интеллектуальных способностей человека, связано в сознании диалектоносителя в первую очередь с человеческой памятью и способностью / неспособностью удерживать в ней информацию. *Память* (синонимом к которой в диалектном дискурсе выступают *голова, ум, мозги*) интерпретируется как пространство, заполненное информацией (в первую очередь *мыслями и воспоминаниями*), как субъект, выполняющий какую-либо работу, и как объект, наличествующий либо отсутствующий у человека. Информация, хранящаяся в пространстве памяти, в свою очередь, может быть интерпретирована как объект (который, к примеру, теряют или находят) и как субъект (который может самостоятельно перемещаться в пространстве памяти или выходить за ее пределы).

О ментальных способностях человек чаще всего вспоминает, когда испытывает затруднения, вспоминая о чем-то или размышляя. Забытая информация оказывается *выкинутой, вышедшей, вылетевшей, выбитой, вышибленной* из памяти (головой): *Ты смотри-ка, то всегда пою эти песни, а тут как **вышибло**; Он же и работает там, и это... ой, вот как вот **выйдет с уоловы**, ничё – забывается; Возьмёшь три тоненькие э-этих, э... проволочки. **Вылетело из уоловы** слово; – А как собак зовут? – Одного Бим, друуой Лорд, белый этот. А чёрный этот... **выбило из памяти**. Информация, которую человек вспоминает, *приходит или заходит* в голову (ум): *Я уже и забыла. «Шумела степь донская...». Ну вот, **зайдётся в голову**, и всё. Пропустим, ладно); - А вы говорите, рассказать нечего! - Да чёрт его знает, **на ум пришло**.**

Метафорические контексты свидетельствуют о том, что **память** воспринимается говорящим как **вместилище, забытое** – как нечто удаленное из пространства памяти, **вспом-**

нившаяся информация – как **пришедшее в пространство памяти**. При этом синонимичными по отношению к памяти оказываются *голова* и *ум*, которые также мыслятся как вместилища информации.

В.В. Туровский отмечает, что глаголам памяти (*помнить* – *забыть* – *вспомнить* – *вспоминать*) соответствуют глаголы, относящиеся к сфере предметных действий: *иметь* – *потерять* – *найти* – *находить* – *искать*; «*потерять*, подобно *забыть*, обозначает неконтролируемое "мгновенное осуществление", так же, как и *найти*» [5, с. 93]. При такой метафорической трактовке происходящих в памяти процессов человек оказывается субъектом действия, описываемого метафорической ситуацией, в которой он *сам* теряет некоторую часть того, что хранится в памяти, хотя это и неконтролируемо с его стороны.

В диалектном дискурсе в метафорической интерпретации забывание также не подлежит контролю со стороны человека, но чаще всего не зависит от личных особенностей и поведения человека (ср. компоненты ИЗ *потерять* – ‘Лишиться чего-л. по небрежности (забывая, оставляя, роняя и теряя где-л.)’ и компоненты ИЗ *выкинуть* – ‘Кинуть вон, наружу, прочь; освободиться от кого-, чего-л. как ненужного; выбросить’, среди которых есть периферийные семы «самостоятельно», «по вине человека» (*потерять*), «по инициативе человека» (*выкинуть*), т.е. семы, акцентирующие внимание на человеке как субъекте действия, а также с компонентами ИЗ *выбить* ‘Ударом (ударами), резким толчком удалить, заставить выпасть из чего-л., откуда-л.; вышибить’, ИЗ *вышибить* – ‘Ударом, резким толчком удалить откуда-л., заставить выпасть; выбить’). Диалектная метафора в большинстве случаев свидетельствует о том, что забытое исчезает либо само по себе, либо из-за физического воздействия не названного субъекта.

Немногочисленные метафоры, в которых человек выступает субъектом действия, описывают более или менее сознательное отношение говорящего к тому, что не употребляется в речи и потому забывается (*Робила – это работала по-белорусски. А вот я уже скоко живу (в Амурской области), а вот слова ще не **выкидываю** белорусские. Я их уже многих **выкинула**, но всё равно (з)де-то скажешь по-белорусски*).

Забывшееся, исчезнувшее словно само по себе, метафорически интерпретируется также как отпавшее от памяти без контроля говорящего: *Щас всё забываешь, всё. Голова... Всё **отпадает***.

Мысли как «продукт» работы мозга в диалектной метафоре приобретают способность собираться в кучу и расходиться в стороны: *Я уж не знаю щас, чё я помню, чё не помню. У меня мысли, вот иноуда я понимаю, а иноуда вот скажет человек, я слышу, а через секунду **мысли в кучу**. Тода соображаю, чё он уоворит, как тока мысли **расходятся***. РЗ *мысли в кучу* мотивировано оценкой исходной ситуации: соединение чего-либо в кучу обычно нарушает исходный порядок и оценивается как не соответствующее норме.

Отдельные воспоминания, хранящиеся в памяти, могут *крутиться* в ней, словно не останавливаясь и не давая возможности человеку ухватить (вспомнить) их: *Нет, не Эдик, а как же его, забыла уже. В голове это крутится* (мотивировочной базой является компонент ИЗ *крутиться* «безостановочный»).

Метафорически интерпретированная ситуация вспоминания подчеркивает независимость этого процесса от воли говорящего. Глаголы, используемые для метафорического переосмысления этой ситуации, в прямом значении обозначают перемещение в пространстве: *идти, зайти, найти, прийти*, – что акцентирует большую степень «вольности» воспоминаний: *Всё оно как-то в жизни, то то, то то вспоминается. Потом уже забываешь, много позабываешь. То с кем станешь разговаривать, тот одно сказал, тот другое, и так воспоминания идут*.

Отдельные метафоры демонстрируют интерпретацию памяти как водного пространства, в котором то, что вспоминается, всплывает на поверхность (*Уже двадцать семь лет как вот в сентябре будет, всё равно не забыла я. Всё равно все молодые годы всплывают*), а также восприятие того, что неожиданно вспомнилось, как птицы (*Хорошая песня есть, да что-то она мне на ум не налетела*). Оба образа отражают восприятие воспоминаний как неконтролируемых человеком сущностей.

Исследователи языковых способов выражения чувств и эмоций отмечают, что практически все качества, свойства и проявления человека в сфере психического не имеют материального выражения, следовательно, могут быть вербально оформлены в основном именно через метафору. В метафорической интерпретации чувства и ощущения предстают чаще всего как активные субъекты, совершающие физические действия по отношению к человеку-объекту. Антропоморфность, приписываемая абстрактным сущностям, позволяет говорящему описывать собственное состояние: «действие» абстрактного объясняется через метафорические употребления слов, в прямом значении относящихся к материальному, освоенному человеком, измеримому. Метафорически чаще интерпретируются те эмоциональные состояния, которые оцениваются как отрицательные: *зло берет, обида взяла, печаль подковыривает, страх забрал* и т.п. При этом все эмоциональные состояния, включая и «положительные» – счастье, радость, в метафорической интерпретации оказываются неподконтрольны человеку.

Для метафорического выражения отрицательных эмоциональных состояний используются глаголы деструктивного физического воздействия на объект, глаголы принуждения или владения, таким образом, человек, испытывающий какие-либо эмоции, в сознании носителя диалекта метафорически осмысливается как оказавшийся в их власти. «Прямые», неметафорические выражения названных эмоций (*разозлиться, обидеться, опечалиться, испугаться, затосковать*) лишены эмоционального компонента и не передают всех смысловых оттенков, отраженных в метафорах. Состояние, выраженное метафорически как *страх забрал* содер-

жательно не совпадает со значением, отражаемым глаголом *испугаться* и не может быть истолковано только через прямое значение глагола *забрать*. Основанием для метафорического отождествления выступает тот факт, что в исходной ситуации действие совершает активный одушевленный субъект, который овладевает неким объектом, получая возможность распоряжаться им. В переносном значении этим объектом оказывается человек, а в роли субъекта выступает абстрактная сущность, которую говорящему проще структурировать в терминах сущности конкретной.

Отрицательные эмоциональные состояния, которые испытывает человек, персонифицируются, метафорически концептуализируются как враждебная человеку сила, завоевывающая его. Горе, страх, зло, обида, печаль – «стихийные эмоции», в которых преобладает чувство, а не интеллектуальная оценка происходящего, они словно овладевают человеком, «присваивают» его себе, *берут*, так что, оказавшись в их распоряжении, человек не способен «распоряжаться» своими действиями: *Вот оно зло берёт, что мы вот вам щас бы вам такую жизнь дать, как мы её видели – пить бы не стали; Работала у войну, 42 года стажу, а пенсия у мэнэ 1 800. А работала всю войну. А хто совсем не работал, получаеть одинаково, а то (е)щё и больше. Обида берэт, так оно щё тут сделаешь.*

Печаль пытается подобраться поближе к человеку, пролезть внутрь него, словно старается подцепить, подковырнуть какую-то крышку: *Вот три брата похоронила. Я похоронила мужа, не могла успокоиться. Хожу, в окошко гляжу да плачу. А щас думаю: я уже себя совсем решаю. Совсем. ... Надо прожить. Радоваться. А вот она, радость, не идёт, а всё какая-то подковыривает печаль, и всё, а радость не идёт никакая. Вот подковыривает тебя печаль, и всё.*

Стихийность эмоции метафорически выражается глаголом *нападать*: *Зимой день маленькая, а ночь – до часу сижу, кака-нить печаль нападёт на меня, вот я сижу, свяжу.* Концептуализация *печали, страха, беспокойства* как враждебной силы, завоевывающей человека, в языке осуществляется посредством актуализации в ИЗ глагола признаков «внезапный», «быстрый», «агрессивный».

«Убивая» человека, какое-либо чувство «уничтожает» в нем способность позитивно воспринимать окружающее: *Я знаю мноую песен, но знаете, у меня такое состояние... Я убита этим уорем. Я чувствую, что я постарела на скоко лет – у меня такое состояние нехоршее.*

Метафора *радости*, относящаяся к положительным эмоциональным состояниям, единична в анализируемых нами фрагментах диалектного дискурса, что является весьма показательным для характеристики диалектной метафорической картины мира. *Радость* оказывается неподконтрольной человеку, неуловимой; она интерпретируется как свободное существо, которое приходит и уходит по своему желанию: *Надо прожить. Радоваться. А вот она, радость, не идёт, а всё какая-то подковыривает печаль, и всё, а радость не идёт ни-*

какая. Состояние *радости*, как и состояние *счастья*, не является нормой жизни для наших информантов, переживших тяжелые военные годы, оккупацию или работу в тылу, вынесших тяготы послевоенного времени и перестроечного периода (*Пели когда-то. Сейчас никого не слышно нигде. Такая жизнь, **нерадостная***). Не случайно диалектоносители говорят об отсутствии *счастья* в их сегодняшней жизни, счастливые годы, если они и были у кого-то, остались далеко в прошлом (*– А кто на Ивана Купала папоротник найдёт, что будет? – Счастье будет, счастье. А наше **счастье** уже **прошло**. Наше, наше **ушло***)¹.

Эмоциональное состояние, таким образом, неконтролируемо со стороны человека. Оказывая деструктивное физическое воздействие или независимо от него перемещаясь в пространстве, эмоции, которые испытывает человек, делают его зависимым, несамостоятельным объектом.

Как показал проведенный анализ диалектного материала, многие метафоры диалектного дискурса отражают пассивность как одно из состояний человека живущего: невозможность определять свою судьбу, контролировать происходящие в жизни события, что является одной из основных особенностей мировосприятия диалектоносителей. Данная идея метафорически выражается через интерпретацию жизненных событий, жизненных этапов, времени, эмоциональных состояний, проявлений болезни как активных субъектов, оказывающих воздействие на человека либо независимо от него перемещающихся в пространстве (*война заставила, жизнь сгубила, горе убило, жизнь прошла, счастье ушло, болезнь пришла*). Наделяя абстрактные сущности способностью действовать независимо от человека, говорящий одновременно констатирует невозможность контролировать происходящее у его жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелева; под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999. 776 с.
2. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
3. Вежбицкая А. Русский язык // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 33–88.
4. Толстая С.М. Славянские народные представления о смерти в зеркале фразеологии // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 229–237.
5. Туровский В.В. Память в наивной картине мира: забыть, вспомнить, помнить // Логический анализ языка. Культурные концепты / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1991. С. 91-95.

¹ Ср. аналогичные выводы А.А.Зализняк, анализирующей счастье и наслаждение в русской языковой картине мира: «...ни в каком смысле *счастье* не относится в русском языке к числу «базовых эмоций». В отличие от англ. *happi*, констатирующего, что состояние человека соответствует некоей норме эмоционального благополучия, русское слово *счастлив* описывает состояние, безусловно отклоняющееся от нормы» [2, с. 267-268].